

Гульчера БЫКОВА

выпускница истфила БГПИ 1972 года,
профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

Рассказы

НОЧЬ НАЕДИНЕ С ПРИНЦЕССОЙ АЛТАЯ

Из цикла «Духовные святыни России»

Всё началось с конференции «Лингвистика на исходе XX века», которая состоялась за четыре года до наступления века нынешнего. Меня потрясли и озадачили слова американского лингвиста, который сказал буквально следующее: «В условиях мировой глобализации языки гибнут быстрее, чем учёные успевают их записывать. Каждый год с лица планеты бесследно исчезает десять-двенадцать языков малочисленных народов, бесписьменных в прошлом». В голове завихрились вопросы. А как обстоят дела с языком амурских эвенков? Они ведь тоже малочисленные. И письменности у них до середины прошлого века не было. Сколько их осталось? Почему в вузе об этом никогда не говорят? Кто придет к нам решать языковые проблемы региона? Кто, если не мы?

Вернувшись из Москвы, через неделю отправилась в столицу БАМа город Тынду, где в это время проходила конференция «Национальное образование на Севере», которую проводил Институт проблем национального образования. Эвенков в нашей области на конец уходящего века насчитывалось около двух тысяч. Участники конференции с тревогой отмечали, что язык амурских эвенков стремительно исчезает из письменного и устного общения.

Из Тынды участники конференции направились в Усть-Нюкжу, где я впервые встретилась с француженкой Александрой Лаврилье, которая приехала из Парижа изучать амурских эвенков. Правда, она этнограф, а не лингвист, но ведь приехала! Разыскала её в избушке: голубоглазая белокурая женщина, обвешанная аппаратурой, общалась с пожилыми жительницами Усть-Нюкжи на эвенкийском. Я уже знала, что француженка свободно говорит по-русски: её папа – француз, а мама – дочь русской графини-эмигрантки. Я спросила:

– Александра, что вы считаете наиболее ценным в этносе амурских эвенков?

Она, не задумываясь, ответила:

– Здесь всё – золото, а точнее – дороже золота и драгоценных камней. Это и культура, и язык, и фольклор, и сами люди. Правда, язык и культура в плачевном состоянии. Я записываю и фотографирую всё!

Она рассказала, что ещё в Париже разыскала словарь эвенкийского языка Глафиры Василевич и выучила его наизусть. Приехала в Усть-Нюкжу, говорит с местными по-эвенкийски, ну то есть по словарю, – а они не понимают! Оказывается, парижанка-этнограф выучила говор

эвенков Подкаменной Тунгуски, который был условно принят за литературный эвенкийский язык. На нём, кстати, до сих пор пишутся учебники для детей амурских эвенков. Естественно, амурские учителя эвенкийского языка адаптируют тексты этих учебников кто как может. Например, рядом с «литературным» вариантом того или иного слова пишут его перевод на свой говор. А говоров эвенкийских в нашей области три – зейский, желтулакский и селемджинский.

– И как же вы решили проблему общения с местными? – спрашиваю француженку.

– Переучила заново. Усваивать язык аборигенов в речевой среде – одно удовольствие.

Узнав, что я задумала начать документирование эвенкийских говоров, она сказала:

– Я вижу здесь последних носителей древнего языка – уникального, богатого и очень красивого. Это всё престарелые люди. Молодёжь не знает эвенкийского и говорит на русском. Если начинать документировать, то есть спасать исчезающий язык, то делать это надо немедленно. Через несколько лет будет поздно. Одному вашему университету столь грандиозный проект не потянуть, тем более что у вас нет своих тунгусоведов. Необходима интеграция нескольких научно-исследовательских институтов.

И я отправилась самолётом в Якутск, в сектор эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Заведующая сектором доктор наук Галина Ивановна Варламова, амурская эвенкийка, восприняла идею документирования положительно и обещала всяческую поддержку в виде редактирования словарей, дополнительных фольклорных, лингвистических и культурологических материалов. Но посоветовала непременно встретиться с заведующим сектором тунгусо-маньчжурских языков Института филологии Сибирского отделения РАН Борисом Васильевичем Болдыревым:

– Борис хоть и русский, а лучше его в России никто не делает эвенкийские словари, – сказала она. – Это большой учёный, к тому же великолепно знает наш язык. Сомневаюсь я, однако, что из вашей задумки что-то получится. Вы не представляете, какая это трата сил, времени и денег! Язык амурских эвенков стремительно исчезает, и это надо принять как объективную данность. Не он первый, не он последний...

– Почему амурских эвенков? А сибирских, якутских, камчатских?

– С ними дела обстоят куда лучше. В своё время Глафира Макарьевна Василевич описала язык и культуру эвенков, кочующих по Сибири. В 1947 году она с экспедицией побывала в Зейском районе Амурской области. Направлялись они и в Усть-Нюкжу, но километров за десять до неё почему-то повернули назад. Видно, подумали, что заблудились. И отправились на Сахалин, к тамошним эвенкам. Вот и получилось, что язык амурских эвенков остался фактически не описанным. Поэтому именно он так привлекает канадцев, немцев, французов, датчан...

Из Якутска я полетела в Новосибирск, где предстояло принять участие в симпозиуме по проблемам малочисленных народов Севера, который проводил Новосибирский институт международных отношений. Мой доклад о проекте документирования языка амурских эвенков был принят накануне. До начала симпозиума оставались сутки, и я отправилась в Академгородок. Встретилась с заместителем директора академии, изложила свою идею спасения исчезающего языка. Он выслушал и произнёс:

– Гибель языков малых народов – процесс трагический, но неизбежный, и тут ничего не поделаешь! – Высокий начальник развёл руками. – Я бы не взял на себя такую смелость.

– Признавать себя побеждённым до начала борьбы – значит, быть побеждённым наполовину, – привычно процитировала я Наполеона.

– Ну-ну... – не нашёлся что сказать на такую самонадеянность умудрённый в науке оппонент.

Я ринулась в Институт филологии. Вопреки плохим предчувствиям, Борис Васильевич Болдырев заинтересовался моим проектом. Окрылённая вниманием известного тунгусоведа, я насадала, не давая ему опомниться: мы организуем серию экспедиций в места компактного проживания эвенков. Находим там носителей языка, способных по вашим методикам записывать словарные материалы. В качестве образца возьмём словарь полигусовского говора, созданный вами. Проведём обучение информантов на местах. Все словарные материалы отправлять будем сюда, в ваш сектор, где и надо организовать камеральную обработку полевых материалов, а также составление словарей всех трёх амурских говоров.

– Ну, так уж и всех, – засомневался сдержанный завсектором. – Для начала хотя бы один говор записать...

Тут я совсем осмелела:

– Проект словаря, а также структура словарных статей – за вами, Борис Васильевич. Теперь вы – сотрудник Центра лингвистики БГПУ по совместительству. Пишите заявление. Контракты я привезла, – «прессовала» я специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам, страшно боясь, что он передумает и откажется.

Я прекрасно понимала: потеря аборигенного языка чревата негативными последствиями не только для самого этноса, но и для изучения нашего края. Ведь тысячи топонимов Приамурья – названий рек, гор, населённых пунктов – на восемьдесят процентов эвенкийского происхождения. Смысловое значение многих из этих слов научно не зафиксировано, и без документирования самого языка это сделать невозможно. Словаря географических названий нашей области, увы, до сих пор нет...

– А вы знаете, что документирование языка – весьма затратная процедура? Содержать тунгусоведов, информантов... Сам сбор словарного материала потребует целой серии экспедиций... Должна быть новейшая аппаратура, придётся привлекать технических специалистов. Мне понадобится компьютерщик, хорошо знающий эвенкийский. Здесь одним миллионом не обойтись. Где вы возьмёте такие средства? – спросил рассудительный Болдырев.

– Я уже обратилась в Федеральное собрание и в правительство России. Надо будет – президенту напишу.

– Ну-ну... – знаменитый тунгусовед тоже не нашёлся, что ответить на такое «безумство храбрых».

«Ничего, – оправдывала я свою напористость, – храбрость города берёт».

После полудня отправилась в Институт археологии, потому что решила пригласить в наш проект ещё и профессора Анатолия Ивановича Мазина, известного специалиста по наскальным рисункам и эвенкийскому этносу. Однако в институте был неприсутственный день, в секторе – никого. Пришлось ехать к Мазину на дачу, что было не близко. Наняла попутку и отправилась в чисто поле за Академгородком, где, по слухам, и пребывал уважаемый профессор. Нашла. Убедила. Получила согласие. Обговорили маршрут и детали первой экспедиции. После этого вернулась назад, в Институт археологии. Зимний день короток, стало стремительно темнеть, и только теперь я спохватилась:

– А где здесь гостиница? А столовая?

– И столовая, и гостиница в Новосибирске. В Академгородке ничего такого нет, – сказала секретарша, одеваясь.

– А как добраться в Новосибирск?

– На автобусе. Но последний автобус туда уже ушёл, теперь только завтра будет.

– Ой, а где же переночевать можно?

– Нигде. О чём вы раньше думали? Откуда сами? Не здешняя, что ли?

– Да из Благовещенска, – сказала я в отчаянии и приуныла.

– Не из пединститута ли случайно? – заинтересовалась вдруг секретарша.

– Да, из БГПУ, – ответила я упавшим голосом.

– Ну так что ж вы молчали? Это совсем другое дело, – оживилась собеседница.

– Почему? – удивилась я.

– Понимаете, есть негласное распоряжение Анатолия Пантелеевича Деревянко, директора Института археологии, что всех из Благовещенского пединститута поселять в его коттедже. Бесплатно, разумеется.

– За что такая честь благовещенцам? – изумилась я.

– Так он и его супруга – выпускники вашего педа. Вы что, не знали?

– Где ж я в темноте этот коттедж искать стану? – снова впала я в панику, пропустив мимо ушей её вопрос о благодетелях.

– А вам не придётся искать. Сейчас я шофёра вызову. Он вас и доставит куда надо. Там вас и накормят, и напоют, и спать уложат. Правда, поздновато уже. И шофёр, скорее всего, дома. Обычно его заранее предупреждают. Но не бросать же вас на произвол судьбы!

Вот таким неожиданным образом я в мгновение ока обрела и кров, и стол. Спасибо Анатолию Пантелеевичу, что не забывает свою альма-матер и всех, кто в ней трудится.

В полной темноте меня привезли к двухэтажному зданию.
– Вы постучите – там дежурная. Закрылась, видно, – посоветовал водитель.

На стук вышла пожилая женщина. Проводила меня в небольшую уютную столовую, приготовила мне яичницу с колбасой и горячее какао с молоком. И только теперь, оказавшись в тепле и безопасности, я вдруг поняла, как чертовски устала. Глаза сами стали слипаться.

Дежурная проводила меня на второй этаж, показала комнату, где мне разместиться, и спросила:

– Вы не возражаете, если я оставлю вас до утра? Внучка приболела. Беспokoюсь, не стало бы хуже. Не забойтесь одна? В здании-то – ни души... – закончила она почему-то шёпотом.

– А чего бояться? Привидений же здесь нет?

– Конечно, конечно, нет, – отвечала она, смутившись.
– Я вас закрою, а рано утром приду. Разбужу, завтрак приготовлю.

Не будь я настолько уставшей, меня наверняка настожило бы, почему это дежурная так смутилась при упоминании о «привидениях», и я постаралась бы расспросить её, в чём дело. Но мне было не до расспросов. Едва добравшись до постели, я сразу уснула.

Спала как убитая. А утром, выходя из коттеджа, внимательно осмотрелась: надо запомнить, вдруг ещё придётся здесь ночевать, вчера ни зги не было видно. Вон через дорогу – остановка. И автобус тут как тут. На нём я без проблем уехала в Новосибирск.

Два дня на симпозиуме пролетели быстро. Я стремительно погружалась в большие проблемы малых этносов Сибири, Дальнего Востока, Алтая, Урала. Познакомилась с ведущими учёными-североведами, а главное – с носителями этих самых языков. Особенно подружилась с членами алтайской делегации. Ведь сама я из Горного Алтая, и мама моя, и весь мой сибирский род, в котором были и смешанные с алтайцами браки, – оттуда. Словом, подзарядилась знаниями по этнолингвистике, которой раньше никогда не занималась.

Признаться, я плохо представляла, что меня ожидает впереди. И самонадеянно рассчитывала, что системное описание языка амурских эвенков лет через пять, а то и раньше, мы завершим. Что проект будет успешным – даже почему-то не сомневалась. Верила в успех – и всё тут!

Ещё на пленарном заседании нам объявили, что в рамках культурной программы планируется посещение музея Института археологии и этнографии, где хранится «алтайская принцесса» – хорошо сохранившаяся мумия женщины, похороненной более двух тысяч лет тому назад на Алтае, на высокогорном плато Укок. Там в 1993 году новосибирские археологи обнаружили в одном из курганов с вечной мерзлотой, в ледовой «линзе», могилу молодой женщины в богатом убранстве. Это было одно из самых значимых открытий археологии конца XX столетия. Сенсационная находка взволновала всю мировую общественность. Участникам симпозиума пообещали, что нам всё покажут и расскажут.

Форум закончился прощальным банкетом, после которого всех приезжих посадили в автобусы и повезли в Академгородок. Экскурсовод на ходу активно «заряжал» нас информацией:

– По поводу национальной принадлежности «принцессы Укока» споры идут до сих пор. Анализ ДНК выявил её европеоидные корни. Антропологи по восстановленным чертам лица это подтверждают, а роскошная одежда, как доказано, – иранского или индийского происхождения.

В рассказ гида тут же вмешиваются члены алтайской делегации:

– Это не так. Мы считаем, что найденная женщина является прародительницей алтайского народа – легендарной принцессой Ак-Кадын, хранительницей нашей земли. Старейшины Алтая обратились в правительство России с требованием вернуть её мумию на родину.

Экскурсовод, не втягиваясь с алтайцами в спор, продолжает:

– Сняв насыпь с кургана, археологи обнаружили древний грабительский лаз, ведущий в погребение мужчины. А под мужской могилой оказалось не замеченное гробкопателями захоронение женщины – жрицы или шаманки – в роскошной одежде и украшениях, с шестёркой породистых лошадей под сёдлами и в богатой сбруе. Установлено, что обе могилы были сооружены примерно в одно и то же время, то есть 2400 лет тому назад.

– Почему её считают шаманкой? – спросил кто-то из пассажиров.

– В листовничных колодах древние хоронили царских особ, шаманов и детей. Форма найденной колоды как раз и напоминает шаманскую лодку. Другие приметы в одежде, украшениях и татуировке также свидетельствуют, что это жрица или шаманка. Сам факт бальзамирования, сооружение огромной погребальной камеры, листовничного склепа на плато, где нет деревьев, говорят о её высоком статусе в своём племени. Впрочем, сейчас сами всё увидите, – заключил словоохотливый провожатый, – мы почти приехали.

Автобус притормозил возле знакомой мне остановки и повернул влево, к двухэтажному коттеджу, который я сразу узнала: именно в нём я ночевала два дня тому назад – сомнений не было! Ничего не понимая, вышла со всеми из салона и стала подниматься по знакомому крыльцу. Теперь только обратила внимание на скромную таблицу справа от входа с надписью «Музей Института археологии и этнографии СО РАН».

«Где же тут музей? Я его не видела!» – продолжала недоумевать я, следуя за посетителями. Вот и знакомое фойе. Слева – лестница, ведущая на второй этаж, туда, где я совсем недавно спала. Но все повернули направо и стали спускаться в подвал.

«А-а-а, так, выходит, я спала над музеем... с мумиями... С мумиями?! Господи! Одна?! Ой, мамочки!..»

Не успев по-настоящему испытать потрясение от запоздалого испуга, я спустилась вслед за всеми в подвал – и оказалась перед стеклянным саркофагом «укокской принцессы», установленным в центре помещения. Вот она – древняя мумия... И тут – снова шок. Принцесса? Да, но... Иссохшая тёмно-коричневая кожа, обтягивающая женский скелет – зрелище, скажу вам, не для слабонервных... Какое-то время все члены делегации в замешательстве молчали, разглядывая мумию.

Её бедра и живот слегка прикрывала лёгкая накидка, оставляя при этом ноги, руки и плечи обнажёнными. Взгляды всех приковала искусная сине-фиолетовая та-

туировка, покрывающая внешнюю поверхность рук до локтя и плечи женщины со стороны спины.

– Боже! Какая татуировка! – чуть не хором воскликнули женщины.

Невозможно было поверить, что столь высокохудожественная нательная графика выполнена две тысячи лет тому назад! На левом плече древней красавицы было вытатуировано великолепное фантастическое животное – с рогами оленя и козерога одновременно, да ещё и кловом грифона – сказочного крылатого существа, наполовину льва, наполовину орла.

– У индоевропейских народов олень-козерог сопровождал мёртвых в верхний мир, – пояснил наш проводник.

Все принялись рассматривать и комментировать невиданную татуировку. Надо же – каждый отросток оленьих рогов завершается стилизованной головой грифона! В переплетении узоров рассмотрели также барана, снежного барса и фантастического хищника с туловищем оленя, головой грифона, хвостом и когтистыми лапами тигра.

Потом стали знакомиться с украшениями и одеждой алтайской принцессы: всё это находилось когда-то на самой мумии и в её листовенничном саркофаге, а теперь было размещено на витринах под стеклом и развешено на стенах.

– А это что? Косметичка? – воскликнула девушка, указывая на изящный войлочный мешочек.

– Можно сказать и так. В нём найдено бронзовое зеркало в деревянной оправе с вырезанным оленем, кисточка из конского волоса, разноцветные стеклянные бусы, коренной зуб человека и синий порошок вавианит – краситель, который стал известен в Европе только в девятнадцатом веке, то есть на два тысячелетия позже.

Экскурсовод пояснил, что рубашка принцессы сшита из привозного шёлка дикого шелкопряда шириной 130 сантиметров, произведённого, видимо, в Индии, а не в Китае, так как древнейшие китайские станки изготавливали шёлк из домашнего шелкопряда шириной 50 сантиметров. Её шерстяную юбку, сшитую из двух красных и белого полотнищ, с нашитыми понизу бронзовыми подвесками, поддерживал шерстяной красный пояс. Красный цвет в одежде и украшениях древних имел защитное значение, оберегая от злых духов. Шею «укокской принцессы» украшала изящная гривна (ожерелье) с прикреплёнными к ней великолепными деревянными подвесками в виде барсов, покрытых золотой фольгой. В ушах женщины были изящные золотые серьги-кольца.

Но самое сильное потрясение ожидало посетительниц музея, когда на муляже, изображавшем «алтайскую принцессу» в полном одеянии, они увидели её причёску. Голову женщины покрывал роскошный парик, который был собран в высокий пучок и украшен наверху деревянным оленем-козерогом. На копне волос «паслись» деревянные олени, а над ними «парили» птицы с кожаными крыльями, хвостами и с длинными, как у лебедей, шеями. Все фигурки, выполненные из кедра и покрытые золотой фольгой, были столь изящны и великолепны, что трудно было отвести от них взгляд. Вот это причёска! Как изысканны и сложны были они у древних красавиц Алтая! По сравнению с ними причёски современных гламурных модниц просто убоги...

Женщина из алтайской делегации шепнула мне:

– Это священная жрица Ак-Кадын. Она исполнит любое твоё желание.

И я тут же загадала: пусть будет успешным задуманный проект спасения исчезающего языка! Хотела ещё загадать желание для моих детей, но собеседница минутой позже упредила: только одно желание будет исполнено.

Ну что ж, одно так одно!

Кому-то это покажется несерьёзным, но я твёрдо верю Иисусу Христу, не единожды процитированному евангелистами: «Каждому дано будет по вере его». И вера эта меня не подводит.

Выйдя после такой бурной командировки на работу, я пошла к проректору по науке доложить о результатах своего турне. Иду по коридору, а навстречу – ректор. Приближается и так пристально на меня смотрит, что как-то не по себе стало. Бегло осмотрела одежду и обувь – вроде бы всё в порядке, а он ну прямо-таки сверлит меня взглядом. Страшно стало, но иду. Приблизилась, поздоровались, а он спрашивает:

– Вы ничего не знаете?

– Нет, ничего.

– А что нашему университету на ваш эвенкийский проект перевели миллион из федерального бюджета – знаете?

– Нет...

– Вы подавали заявку на грант?

– Подавала. В программу «Интеграция», а ещё в Президентскую программу «Русский язык» – но это по русским говорам Приамурья, они ведь тоже исчезают.

– Значит, это из «Интеграции» поддержка, – заключил ректор. – Поздравляю!

«Как бы не так – из “Интеграции”!» – мысленно возликовала я. – Это принцесса Ак-Кадын преподнесла нашим аборигенам такой подарок! Йе-ес! Значит, всё задуманное исполнится!»

И это был не единственный дар жрицы Алтая, а также правительств России и Амурской области. В сотрудничестве с ведущими тунгусоведами страны и при поддержке нескольких научно-исследовательских институтов мы провели восемь комплексных экспедиций в места компактного проживания эвенков, собрали немало словарных и культурологических материалов, которые хранятся сейчас в Государственном архиве Амурской области. Нашли замечательных информантов – последних носителей древнего языка.

Правда, со сроками системного описания языка аборигенов Амурской области я «слегка» просчиталась. Проект документирования завершился через двенадцать лет упорной работы целого коллектива русистов и тунгусоведов России, воплотившись в фундаментальные лексикографические труды – солидные диалектные словари трёх говоров эвенков Приамурья. Прав был американский лингвист: последние носители языка умирают быстрее, чем учёные успевают записать исчезающий язык. Двухтомный словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области мы вручали не Раисе Егоровне Мальчакиной из Усть-Нюкжи, собравшей основные словарные материалы, а её внуку. Словарь зейского говора, созданный подвижническим трудом жительницы Бомнака Лидии Константиновны Сениной, вручали её дочери. Светлая память Раисе Егоровне и Лидии Константиновне, записавшим для потомков уникальную лексику своего древнего народа. И только первый том словаря селемджинского говора лич-

но вручили главному информанту и соавтору – Лидии Афанасьевне Соловьёвой, почётной жительнице села Ивановского Селемджинского района, женщине с богатейшей, ну просто поразительной языковой памятью. Долгие ей лета! Второй том словаря до сих пор существует в электронном варианте из-за отсутствия денег. Вот и ломаю голову, как его издать.

На основе системного описания эвенкийской лексики всероссийский авторский коллектив под руководством Центра лингвистики БГПУ создаёт в настоящее время двухтомный комплексный словарь географических названий Амурской области. Первый том, «Населённые пункты», готов полностью, второй, «Географические объекты», – более чем наполовину. Опираясь на новые диалектные словари, теперь можно восстановить значение огромного количества топонимов, созданных многими поколениями эвенков на протяжении трёх тысяч лет. Именно таков возраст древних наскальных рисунков, запечатлённых эвенками на петроглифах (писаницах), которым несть числа в Приамурье. Географические названия аборигенов не только красивы, но и высоко информативны до сих пор. Например, в переводе с эвенкийского Селемджа – *железная*, а Онёни – *рисунок*. В бассейне Селемджи найдены залежи железных руд, а в долине Онёни – немало писаных камней – петроглифов. Созданные толковые эвенкийско-русские словари таят несметные словарные сокровища, запечатлённые коренными жителями в языковой картине мира нашего региона в виде тысяч наименований рек, озёр, гор, долин и других географических объектов Приамурья. А как богата лексика аборигенов, описывающая природу! То, что в русском языке не имеет однословного наименования

(*низкое дерево, высокое дерево, дерево, наклонившееся над водой, дерево, вырванное с корнем в бурю, дерево с раздвоенной вершиной, из которой течёт смола, утренняя звезда, вечерняя звезда, утренняя заря и т.д.*), у эвенков компактно обозначено отдельным словом.

А в судьбе моей знакомой «принцессы» тем временем происходили кардинальные изменения. Несколько лет назад правительство России вернуло её алтайскому народу. Из музея Института археологии и этнографии СО РАН мумию перевезли на родину – в музей Горноалтайска. А затем, в год внезапного наводнения в крае, её по решению старейшин и правительства Республики Алтай вернули на высокогорное плато Укок – и с почестями захоронили в прежней могиле. Согласно верованиям коренного населения, «принцесса», которую на Алтае называют Ак-Кадын (Белая Госпожа), является хранительницей покоя. Более двух тысяч лет она стояла на страже врат подземного мира, не допуская проникновения Зла из низших миров. И вот снова заняла своё место. Теперь её никто и никогда не увидит.

А мне посчастливилось не только её лицезреть, но и провести рядом с ней целую ночь. Теперь я понимаю, почему сказал Экклезиаст: «Во многом знании – много печали, и кто умножает своё знание, умножает свою скорбь». В русском народе о том же сказано проще: «Меньше знаешь – крепче спишь». Будь мне известно о мумиях в подвале, я глаз не сомкнула бы, всю ночь мерещились бы мне голоса, шаги, странные звуки, шорохи – и обязательно чудились бы привидения. Незнание, оказывается, тоже защищает, как и вера.

Но вера защищает больше. И каждому даётся по вере его!

СЕКРЕТ БАЙКАЛЬСКОГО ШАМАНА

Из цикла «Слохои памяти»

Пока документировали (системно описывали) исчезающий язык амурских эвенков, приходилось возить словарные материалы на камеральную обработку в сектор тунгусо-маньчжурских языков Института филологии СО РАН, что в Новосибирске. Наведывалась в Институт археологии и этнографии. По несколько дней гостила на даче этнографа Анатолия Ивановича Мазина и его жены Лидии Ильиничны. Там и услышала этот рассказ от женщины, местной жительницы.

«Заболел мой сын хронической пневмонией. По два-три раза в год в больнице лежал. Закололи его антибиотиками. Вместе с вредными все полезные микроорганизмы уничтожили. И желудочно-кишечная система у него просто-напросто перестала работать. Начал мой мальчик на глазах хиреть и угасать. Врачи руками разводят, мол, ничего сделать нельзя, лекарства уже не усваиваются. А тут в Институт археологии шаман с Байкала приехал по каким-то своим делам. Я к нему, помогите, мол. Врачи не в силах вылечить. Пропадает пацан, уже и не ходит, а больше лежит и тихо помирает. Худющий стал, что скелет – кожа да кости, в чём душа держится.

– Давай, покажи мальчишку, – говорит шаман.

Пришли. Посмотрел он на больного, а тот белый такой, ни кровинки в лице. Шаман ошупал его всего, ухом приложился к спине, к животу, постучал по костям и говорит:

– Вот что, лекарства ему совсем нельзя. Сделай, как скажу: каждый день покупай свежую баранину, вари в воде без соли, но не переваривай. Сначала бульоном парнишку пои, потом мясо через мясорубку и в бульон. Этим пои. Когда сам мясо станет есть, пусть бульоном запивает. Можно солить немного.

– Может, травы какие, витамины? – говорю.

– Нет, мясо только и бульон. Бараны сами знают, какие травы есть.

– И всё? – спрашиваю.

– Всё. Больше ничего не надо. Сама увидишь, однако.

Уехал шаман. Я не очень-то поверила в такой способ лечения, но выбора не было. И стала ездить на рынок за парной бараниной. Сварю, сын пару ложек проглотит, полежит, полежит, снова пару ложек в рот. И постепенно чашку стал выпивать, мясо помаленьку ест. Порозовел, ожихарился, ходить стал, хоть и слаб ещё был. Не поверите, так и поднялся мой ребёнок на варёной баранине без единой таблетки. Выправился постепенно, в школу начал ходить. Такой богатырь вырос – любо-дорого посмотреть. Мастер спорта теперь, чемпион края! Да вы сейчас убедитесь сами. Он за мной с минуты на минуту приедет».

На пороге появился молодой человек ростом метр девяносто, косая сажень в плечах:

– Собирайся, мама. Я спешу. На соревнование опаздываю.